

УДК 398.22(=512.123)

DOI: 10.25587/o8359-9970-3982-q

М. Х. Идельбаев¹, А. М. Аиткулов²,

¹Башкирский государственный университет

²Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова

ТВОРЧЕСТВО ЙЫРАУ В АВТОРСКОЙ ИЗУСТНОЙ ПОЭЗИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. Словесное искусство включает в себя три вида: народное творчество (фольклор), авторскую изустную литературу и письменную литературу. Главное отличие изустной литературы от фольклора в том, что в ней присутствуют авторство и творческая индивидуальность. Авторская изустная поэзия в литературоведческой науке стала изучаться сравнительно недавно – начиная с 20-х годов XX столетия. В словесности тюркских народов наряду с баксы, ашугами, кедай, олонхосутами, акынами, сэсэнами и др. в XIV–XVI вв. достойное место занимало творчество йырау, что особенно отмечено в трудах М. Х. Идельбаева. Однако имеются некоторые аспекты с точки зрения генезиса, теории, истории и художественных особенностей творчества, которые требуют отдельного, конкретизированного изучения. Именно поэтому сегодня ощущается острая необходимость раскрытия объективной картины развития художественного творчества йырау во всех его проявлениях. Этим определяется актуальность данной статьи. Её целью и задачей являются выявление закономерностей развития творчества йырау в тесной взаимосвязи с фольклором и письменной литературой, анализ дошедших до наших дней их импровизации, изучение основных поэтических особенностей, осмысление роли йырау в общественно-политической жизни тюркских народов и в истории развития их словесного искусства. Для этого нами был выбран историко-сопоставительный и системный подход к истории изустной поэзии, а также методологические и литературоведческие принципы анализа. Йырау являлись общими представителями в основном башкирского, казахского, каракалпакского и ногайского народов. Самые известные из них – Хабрау, Асан Кайгы, Казтуган и Шалгииз, которые жили в XIV–XVI вв. В их импровизациях отражены такие важные проблемы, как мораль и этика, верность обычаям предков, преемственность поколений, забота о благополучии страны, образы отважных защитников родины, честного, мудрого и справедливого правителя и вера в его созидательную деятельность. Выступая перед многочисленной публикой, они свои поэтические речи непременно доводили до слушателей в виде песен, сами же сопровождая их музыкальными инструментами, чаще всего домброй, иногда кыл-кубызом или предваряя выступления наигрышем на курае и кубызе. Можно сделать вывод, что йырау XIV–XVI вв. Хабрау, Асан Кайгы, Казтуган и Шалгииз в своих импровизациях затрагивали общие злободневные проблемы жизни ряда тюркских народов, были на уровне общечеловеческих достижений авторской изустной литературы как по содержанию, так и по формам их воспроизведения. Им были присущи также отчетливые местные особенности, у каждого автора – свои неповторимые черты индивидуальности. Статья будет полезна для ученых-литературоведов, преподавателей, студентов филологических вузов и для всех интересующихся духовными ценностями тюркских народов прошлого.

Ключевые слова: певец, музыкант, импровизатор, синкретизм, Урал, Идель, жанр, тюркские народы, Башкортостан

ИДЕЛЬБАЕВ Мирас Хамзович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: mirasidel@mail.ru

АЙТКУЛОВ Азат Миннигалиевич – декан факультета национальных музыкальных инструментов Уфимского государственного института искусств им. Загира Исмагилова, г. Уфа, Россия.

E-mail: arturgaycarov@mail.ru

IDELBAEV Miras Khamzovich – Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Chief Researcher of the Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: mirasidel@mail.ru

AIYTKULOV Azat Minnigaleevich – Dean of the Faculty of National Musical Instruments, Zagir Ismagilov Ufa State Institute of Arts, Ufa, Russia.

E-mail: arturgaycarov@mail.ru

M. Kh. Idelbaev¹, A. M. Aiytkulov²,¹Bashkir State University,²Ufa State Institute of Arts

YIRAU'S CREATIVITY IN THE AUTHOR'S ORAL POETRY OF THE TURKIC PEOPLES

Abstract. Verbal art includes three types: folk art (folklore), author's oral literature, and written literature. The main difference between oral literature and folklore is that it contains authorship and creative individuality. Author's oral poetry in literary theory began to be studied relatively recently, starting from the 1920s. In the literature of the Turkic peoples, along with the *baksy*, *ashugs*, *kedai*, *olonkhosuts*, *akyns*, *sesens* and other improvisers in the 14th – 16th centuries, worthy place was occupied by the work of *yirau*, which is especially noted in the works of Idelbaev [3]. However, there are some aspects from the point of view of the genesis, theory, history and artistic features of creativity that require a separate, concretized study. That is why today there is an urgent need to reveal an objective picture of the development of Yirau artistic creativity in all its manifestations. This determines the relevance of this article. Its purpose and task are to identify the patterns of development of Yirau creativity in close relationship with folklore and written literature, analyze their improvisations that have survived to date, study the main poetic features, comprehend the role of Yirau in the socio-political life of the Turkic peoples and in the history of the development of their verbal art. To do this, we have chosen a historical-comparative and systematic approach to the history of oral poetry, as well as methodological and literary principles of analysis. Yirau were common representatives mainly of the Bashkir, Kazakh, Karakalpak and Nogai peoples. The most famous of them are Khabrau, Asan Kaigy, Kaztugan and Shalgiiz, who lived in the 14th – 16th centuries. Their improvisations reflect such important issues as morality and ethics, fidelity to the customs of ancestors, continuity of generations, concern for the well-being of the country, images of brave defenders of the motherland, an honest, wise and just ruler and faith in his creative activity. Speaking to a large audience, they certainly brought their poetic speeches to the audience in the form of songs, themselves accompanying them with musical instruments, most often *dombra*, sometimes *kyl-kubyz* or anticipating performances with a tune on *kurai* and *kubyz*. It can be concluded that the Yirau of the 14th – 16th centuries – Khabrau, Asan Kaigy, Kaztugan and Shalgiiz – in their improvisations raised the common topical problems of the life of a number of Turkic peoples, were at the level of universal achievements of the author's oral literature, both in content and in the forms of their reproduction. As well as distinct local features, each author has unique personality traits. The article will be useful for literary scholars, teachers and universities of philological students and for all those interested in the spiritual values of the Turkic peoples of the past.

Keywords: singer, musician, improviser, syncretism, Ural, Idel, genre, Turkic peoples, Bashkortostan

Введение

Среди представителей авторской изустной поэзии народов мира: великого певца Коркутата, Сыпра, Досманбета, занимающих по времени не менее тысячелетия и по тематике охватывающих самый широкий круг проблем, творчество йырау занимает сравнительно короткое время – ограничивается примерно тремя столетиями. Но, опираясь на опыт предшественников, они создавали шедевры, не уступающие их сочинениям как по тематике, так и по художественной завершенности. К примеру, по словам Г. Б. Хусаинова, арабские источники приводят песенное произведение великого певца на смерть хана Джучи [1, с. 59].

Об авторской изустной поэзии в литературе народов мира писали А. Н. Веселовский (кельтские друиды, барды, фили; древнегреческие аэды, бургундские канторы, германские шпопы) [2], М. Н. Стеблин-Каменский (скандинавские скальды, трубадуры), И. С. Лисевич (китайские юэфу) и многие другие. Изучившие импровизации йырау башкирские, казахские и каракалпакские исследователи Г. Б. Хусаинов, М. Магауин Е. Исмаилов, Н. Давкараев К. Мамбетов и др. стремились раскрыть своеобразие их творчества в сравнении с сочинениями западноевропейских и ближневосточных коллег. Надо сказать, в этой области еще немало белых пятен. Последние, во всяком случае часть из них, появились перед публикой еще в дописьменный период, а йырау – в эпоху зарождения классических общетюркских дастанов и расцвета устного народного творчества, имевшего к тому времени древнейшие башкирские и общетюркские эпические сказания «Урал батыр», «Акбузат», «Алпамыша», «Кузыйкурпес и Маянсылыу» и др. Дальнейшие исследования по йырау должны вестись в контексте данных обстоятельств.

В статье, опираясь на сведения казахских и каракалпакских, в том числе башкирских ученых, даны наиболее полные биографические данные всех четырех йырау. К анализу привлечены все ныне известные из башкирских, казахских, каракалпакских и ногайских источников их импровизации. Они ныне опубликованы в книге «Слушайте вы меня, народ» (составитель М. Х. Идельбаев. Уфа, 2013, на башк. яз) [3]. Как известно, мастера изустной поэзии много путешествовали, каждый из четырех йырау побывал во многих местах Средней Азии, Урала и Поволжья, в том числе и в Башкортостане. В статье их творчество рассматривается в контексте фольклора и письменной литературы тюркских народов, проживающих на этой территории.

Цель настоящей статьи – дать анализ творчества йырау XIV–XV веков, исходя из материалов и исследований, синтезированных на сегодня в единую научную базу.

Йырау и авторская поэзия башкир, казахов, каракалпак и ногайцев XIV–XVI столетий

«Йырау» – слово древнее. Махмуд Кашгари в своей книге «Диван лугат ат-тюрк» (XI в.) даёт такое определение, как «музыкант, певец, поэт-импровизатор» [4, с. 768]. Это и не удивительно – в истории мировой литературы широко известны случаи, когда мастера изустного поэтического слова совмещали в себе самые различные умения и навыки: провидцев, знахарей, жрецов и др. Йырау не сразу смогли освободиться от того синкретизма профессий, который был характерен для мастеров слова предыдущего этапа. В своей деятельности они на протяжении довольно длительного времени при помощи мелодии и слова использовали такие сверхчеловеческие способности, как воздействие на психологию и здоровье человека (врачевание), умение замечать и предсказывать знаки (пророчество); более того, смогли использовать эти качества в своей основной деятельности, связанной с песней и поэтическим творчеством. Выступая перед многочисленной публикой, они свои поэтические речи непременно доводили до слушателей в виде песен, сами же сопровождая их музыкальными инструментами, чаще всего – домброй, иногда кыл-кубызом или предваряя свои выступления наигрышем на курае и кубызе.

Йырау в башкирской, казахской, каракалпакской и ногайской изустной поэзии неразрывно связаны с именами таких сказителей XIV–XVI вв., как Хабрау, Казтуган, Асан Кайгы и Шалгииз. К изучению жизни и творчества йырау в башкирском литературоведении приступили сравнительно позже, чем, к примеру, учёные из Казахстана и Каракалпакии. Творчество Хабрау, Казтугана, Асана Кайгы, Шалгииза и башкирская изустная словесность характеризуются общностью идейной тематики, поэтических клише. Все четыре автора, например, воспевают Урал и Идель, подчеркивают, как они им близки. Вот как отзывается Хабрау об Урале:

Как хан Орды приложил руку,
За родимого Урала
Сердце моё, старика Хабрау, изныло [5, с. 76].

(Здесь и далее подстрочники поэтических текстов с башкирского на русский язык приводятся в переводе авторов статьи).

Асан Кайгы:

[Две реки] – Идель и Яик,
Если летовать у одной
И зимовать у другой,
Бери, у тебя руки
В золоте и серебре [6, с. 42].

Казтуган:

Любимый мой Идель,
Родимый мой Идель... [6, с. 54].

Шалгииз:

Где Идель, там родина,
Ничто не сможет их заменить,
Где Яик мой, лад земной,
И несметное количество скота? [6, с. 81].

До 70-х годов прошлого столетия авторское творчество Хабрау в башкирской среде не было столь широко известно. Один из первых исследователей творчества йырау академик

Г. Б. Хусаинов провел ряд текстологических исследований и предложил рассматривать такие башкирские фольклорные кубаиры, как «Мин картыңмын» («Я ваш старец»), «Бейек таузың үлгәне» («Смерть большой горы»), «Ике сәсэн» («Два сәэсна»), «произведениями Хабрау йырау в башкирской версии» [5, с. 84]. Из эпоса «Идукай и Мурадым» можно выбрать немало речей Хабрау: философские монологи либо обращения к народу вполне могут считаться импровизациями, отражающими его мировоззрение.

Хабрау, которому был дорог Урал в башкирском крае («Обращение Хабрау к Уралу» [7, с. 150]), также волнует благополучие страны, судьба храбрых мужчин. В своих обращениях он имеет в виду не только определённую местность (Идель – Урал – Яик), но страну в целом и их защитников («Обращение Хабрау к мужчинам») [7, с. 151].

Если учесть тот факт, что Урал, Идель (Агидель), Яик (его верхнее течение) географически близко расположены, то с большой долей вероятности можем сказать, что упомянутые йырау, если даже и не родились, но по крайней мере провели значительную часть жизни здесь. О том, что сказители своим частым местопребыванием отмечали берега Агидели, упоминает видный исследователь Г. Б. Хусаинов [1, с. 64–65].

Жанры, к которым обращались йырау, по своей поэтике практически не отличаются от изустных произведений башкирских сәэснов и казахских акынов XVI–XVIII вв. А вот по содержанию их творчество несколько шире – они затрагивали те общие проблемы, которые одинаково волновали и башкир, и казахов, и каракалпаков, и ногайцев. Йырау не были прикованы к одному месту, а обходили и объезжали земли, где жили эти народности, и поднимали те вопросы, которые занимали умы широких слоев населения.

Асан Кайгы родился приблизительно в 1361–1370 годах в Среднем Поволжье. Судя по казахским легендам, отцом его был Саяшты Сабит, а сам йырау прожил долгую жизнь. Год и место его смерти неизвестны. Асан слыл обладателем многогранного таланта: превосходно играл на домбре, сочинял мелодии, был метким стрелком. В казахской версии рукописного памятника «Амат, сын Гайсы» говорится о том, что Асан жил в долине реки Агидель. Имя и творчество йырау тесно связаны с Уралом, Поволжьем, Средней Азией и Казахстаном.

Согласно записям казахских ученых, Асан Кайгы – потомок Майкы-бия (1155–1247). А имя Майкы-бия, как мы знаем, связано с башкирскими родословными табынского, айлинского родов, также упоминается в литературно-историческом памятнике письменности «Чингизнаме». Согласно этим записям, он повёл предводителей башкирских племён к Чингизхану [8] с целью составить единый союз с монгольской державой.

Асан Кайгы, хоть и называет себя ногайцем («Я вам скажу: суть Асана – в ногайских корнях») [6, с. 45], в своих импровизациях поднимает общие философские мысли, связанные с насущными проблемами всего Дешт-и Кипчака. Выдающийся казахский ученый XIX в. Ч. Валиханов называл его «степным поэтом» [9, с. 358]. Диапазон его мыслей весьма широк, он далёк от мелкой суеты бытия. Автора волнуют более важные проблемы, касающиеся страны, народа, горстки родной земли, зло и добро, друзья и недруги. «Он сумел дать суровую оценку смутному периоду в истории тюркских народов, предвидел крах и распад Золотой Орды, на смену которой придут мелкие ханства, раздираемые межусобицами», – писал о нем М. Магауин [10, с. 9].

Подробности жизни и творчества Казтугана малоизвестны. Казахи и каракалпаки называли его «Казтуган Суйениш улы» («суйениш» – радость). По информации К. Мамбетова, он жил в середине XV в. в низовьях Волги, в местности Кызыл Яр западнее Актюбе; родом из ногайского рода кара-кипчак. Точные даты его рождения и смерти неизвестны. Предки его слыли храбрыми воинами, он и сам в исторических источниках назывался «батыром» и «поэтом» [4, с. 131].

В начале XIX в. были опубликованы лишь три импровизации Казтугана, других сочинений не сохранилось. Даже на их основании можно определить поэтическое лицо и индивидуальные особенности йырау, сделать определённые выводы о том, насколько тесно связаны его корни с Башкортостаном. Первое, что бросается в глаза в его сочинениях, – это личностное достоинство автора, что вполне естественно: он, предводитель войска и глава рода, прекрасно осознавал свою роль в общественной жизни. Йырау благодарен и своим родителям за воспитание, о них он ведёт речь наряду с родной землёй, отчизной. Есть в этих строках созвучие и с башкирскими кубаирами:

Степь да поле, дом высокий,
Дом, где уму-разуму учился
Отец наш Суйиниш
В дом тот зятем пришёл,
Дом тот невесткой принял [6, с. 54].

Вкупе с иронией и чувством достоинства не преминул добавить и о себе:

Казтуган, будто вороненок,
Батыром здесь родился [6, с. 54].

Раз до наших дней дошли поэтические мысли Казтугана всего лишь в трех стихотворных текстах, то мы вполне можем рассматривать их как самых нужных, способных бытовать на протяжении длительного времени и, исходя именно из этих малочисленных крупниц, можем сконструировать творческий портрет знаменитого йырау.

В одном из стихотворений автор говорит о героизме и воинственности. Йырау будто намеренно даёт характеристику атрибутам, свойственным для башкирского и других тюркских народов: сабля, что пропитана кровью врага; удалой конь; храбрый воин – защитник родины. В третьем произведении Казтуган воспевае красоту своей родной земли, которая очень схожа с Уралом, Агиделью, воспетыми в башкирских кубаирах:

Земля, где жеребёнок-стригунок
Стал необъезженным жеребцом,
Ягнёнок, что остался лежать,
Дал потомство в тысячу овец [6, с. 54].

Еще один знаменитый йырау – Шалгииз жил в XV–XVI вв. Родился он в 1465 г. на левом побережье Яика. Отец его, по некоторым версиям, был степным феодалом, мать – дочерью известного тогда на весь степной край Муса-бия. К 80-м годам XV в. Шалгииз как бесстрашный воин и непревзойдённый йырау был в числе приближенных главы Ногайской Орды Тимер-бия, вместе с его свитой объездил Крым, Северный Кавказ, донские степи. Умер он приблизительно в 1560 году.

Его литературное наследие довольно богато – насчитывает около 600 строк. В 1976 году во время археографической экспедиции, организованной Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в с. Арово Чишминского района была обнаружена рукописная тетрадь со стихотворениями Шалгииза, написанными арабской графикой на языке тюрки. Несколько текстов из той рукописи позднее были опубликованы в Алма-Ате [11]. В целом в творчестве йырау также наблюдается созвучие с башкирскими народными кубаирами, импровизациями сэсэнов, обнаруживаются так называемые «общие места», «поэтические клише».

Импровизации Шалгииза можно рассматривать в трёх аспектах: 1) обращения, адресованные Тимер-бию; 2) степная лирика; 3) близкое к жанру айтыш произведение «Ир-Шобан», которое по объёму и содержанию несколько отличается от остальных.

Адресованных Тимер-бию импровизаций две. В одной из них Шалгииз проявляет своё отношение к бию, даёт советы. Стиль обращения своеобразный – йырау выражает свои мысли при помощи двухструнной домбры посредством двуголосья: первый из них – его собственные, обращённые напрямую назидательные советы, а второй – ассоциация с явлениями природы степи:

Запустишь птицу, так запусти чалую,
Утка, что взлетела, не ускользнет.
Пойдешь на бой, надень кольчугу,
Булатный меч не вонзится [12, с. 42].

Второе обращение связано с решением Тимер-бия совершить хадж в Мекку. Шалгииз с присущим ему красноречием восхваляет бия: продолжателя рода Идукай-батыра, достойного сына своего народа, справедливого, мудрого правителя. В то же время йырау уговаривает его отказаться от столь дальней, опасной поездки в такое смутное время. Примечательно то, что после обращения Шалгииза бий воздерживается от своей задумки, а к сказителю начинает относиться лучше прежнего. Верность правителю Шалгииз зачастую связывает с морально-этическими вопросами.

Воинственная натура Шалгииза находит отражение в степной лирике. Все его импровизации пропитаны духом степи, в текстах отчетливо выражается причастность автора к военным походам: оседланная лошадь, меткая стрела, надежная кольчуга, серебряный шлем, острая сабля, что снесет не одну голову врага – эти образы придают стихам иносказательное выражение.

Степную лирику Шалгииза тематически можно разделить на несколько групп. В первом плане – понятия добра и зла. По мнению йырау, в жизни достаточно и того, и другого. Стихотворные строки о родственниках также занимают одно из центральных мест. Они даются в тесной связке с понятиями добро – зло, друг – враг. По глубокому убеждению автора, если близкий человек духовно близок, то он – друг, а в ином случае – враг.

В песнях йырау нашли отражение также и вопросы бытия, традиционные мысли о жизни и смерти. В некоторых сочинениях степной лирики напрямую связывает себя с волей Всевышнего.

Сочинение Шалгииза «Ир-Шобан» передает айтыш батыра Шобана с чужеземцем Бигази, который с десятком своих спутников намеревался угонять скот в кабардинский (в другом варианте – калмыцкий) край. Хозяин стада Ир-Шобан с группой помощников догоняет их. Когда главари двух сторон встречаются один на один и Бигази интересуется его спутниками, тот поименно называет каждого из именитых, известных далеко за пределами своей страны батыров. После этого, поняв бесполезность затеи, Бигази возвращается с пустыми руками. А Ир-Шобан, оказываясь, назвал имена вовсе не тех, кто находился с ним рядом. Данное сочинение примечательно тем, что в нем автор прибегает к древней, присущей для всей мировой изустной поэзии традиции так называемых жанров айтыша (поэтического состязания) и хиджы (жанра арабской сатирической поэзии), где восхваляются свои герои и, охаивая, морально уничтожаются противники.

Заключение

Таким образом, в творчестве Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана и Шалгииза можно разглядеть немало общих черт. Обратим внимание: в репертуаре выше упомянутых йырау не поднимается тема любви. Возможно, такие тексты не дошли до наших дней. С другой стороны, великие авторы изустной поэзии вряд ли создавали бы нечто посредственное: либо сочиняешь что-либо на любовную тематику, сопоставимое по значимости с такими памятниками, как «Кысса-и Юсуф» Кул Гали или «Мухаббатнаме» Хорезми (XIII–XIV вв.), либо совсем не затрагиваешь эту тему. Йырау, будучи аксакалами и мудрецами, предпочтение отдавали, по всей видимости, отражению общечеловеческих проблем, нежели изображению личных отношений двух молодых людей. В их импровизациях мы видим такие важные вопросы, как мораль и этика, верность обычаям предков, назидания, преемственность поколений, забота о благополучии страны, от-важный защитник родины, правитель и вера в его созидательную деятельность.

Их одолевают думы о судьбе народа, благополучии страны, защите родины. Задумчивые мелодии и меткие слова, с помощью которых йырау обращаются к слушателям, созвучны с пословицами и поговорками башкирского, казахского, каракалпакского и др. народов. Отсюда следует, что они в своем творчестве отражали проблемы, которые одинаково волновали представителей всех тюркских народов.

Впрочем, не удивительно, что йырау были обеспокоены именно этими вопросами. Как известно, в XIV–XVI вв. произошёл ряд важных исторических событий: разгром Золотой Орды, ожесточённые бои в Средней Азии, Урало-Поволжье и Башкортостане, борьба башкир и других народов против монгольского ига. Башкирские земли были раздроблены между Ногайской ордой, Казанским и Сибирским ханствами. Ногайская орда занимала площадь, начиная с Яика, устья Сакмары до низовьев Демы, по долине Агидели – до рек Чермасан, Кармасан, Сунь и Ай [13]. А ее основная территория простиралась между Волгой и Иртышом, а на юге достигала Аральского и Каспийского морей. Местные жители были вовлечены в раздоры и споры, возникающие в Орде либо между соседствующими народами, участвовали в военных походах. Хабрау, Казтуган, Асан Кайгы и Шалгииз были особенно чутки к чаяниям населения о свободе и честной, спокойной жизни. Их праведные слова, вылившиеся в стихотворный размер и мелодию, в разных версиях распространены среди башкир, казахов, каракалпакских и ногайцев.

Литература

1. Хусаинов Г. Б. Башкирская литература XI-XVIII вв. – Уфа : Гилем, 1996. – 193 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика /Вступ. ст. И. Н. Горского / Сост., комм-рии В. В. Мочаловой. – Москва : Высш. школа, 1989. – 406 с.
3. Изелбаев М. Х. Башкорт ауыз-тел әзәбиәте. – Өфө, 2007. – 295 б. (На башк. яз.)
4. Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-тюрк /Перевод, предисловие и комментарии З-А. М. Ауэзовой. – Алматы : Дайн-Пресс, 2005. – 1288 с.
5. Хусаинов Г. Б. Зов веков – Уфа : Башк. книж. изд., 1984. – 406 с.
6. Слушай ты меня, народ: Импровизации йырау и сәсэнәв XIV–XX вв. /Составитель, автор предисловия и примечаний М. Х. Идельбаев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. – 240 с. (На башк. яз.)
7. Хусаинов Г. Б. Йырау //Агидель. – 1993. – № 11. – 150–151 с. (На башк. яз.)
8. Тетрадь Чингизнаме // Антология башкирской литературы. В 2-х томах Т. 1 / Составители и авторы предисловия М. Х. Надергулов, Г. Б. Хусаинов. – Уфа : Китап, 1999. – 464 с. (На башк. яз.)
9. Валиханов Ч. Собрание сочинений в 5-ти т. Т. 1. – Алма-Ата : Изд. АН Каз. ССР, 1961. – 777 с.
10. Мамбетов К. Каракалпакская литература прошлого: Пути формирования каракалпакской литературы. – Нукус : Каракалпакстан, 1976. – 202 с. (На каракалпакск. яз.)
11. Казахская поэзия XV–XVIII столетий. – Алматы : Гылым, 1982. – 240 с. (На казах. яз.)
12. Поэты Казахстана / Вступительная статья, составление, биографические справки и примечания М. Магауина. – Ленинград: Советский писатель, 1978. – 608 с.
13. История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х. Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1996. – 520 с.

References

1. Khusainov G. B. Bashkir literature of the XI-XVIII centuries. Ufa, Gilem Publ., 1996, 193 p. (In Russ.)
2. Veselovsky A. N. Historical poetics. Moscow, Higher school Publ., 1989, 406 p. (In Russ.)
3. Idelbaev M. Kh. Bashkir oral literature. Ufa, Publishing House of Bashkir State University, 2007, 295 p. (In Bashkir)
4. Kashgari Mahmud. Divan lugat at-turk. Translation, preface and comments by Z. M. Auezova. Almaty, Dain-Press Publ., 2005, 1288 p. (In Russ.)
5. Khusainov G. B. The Call of the Ages. Ufa, Bashkir Book Publishing House, 1984, 406 p. (In Bashkir)
6. Listen to me, people: Improvisations of yirau and sesens of the XIV–XX centuries. Ufa, RIC BashGU Publ., 2013, 240 p. (In Bashkir)
7. Khusainov G. B. Yirau. *Agidel*. 1993, no. 11, pp. 150-151. (In Bashkir)
8. The notebook of Genghisname. In: An anthology of Bashkir literature. In 2 volumes. Vol. 1. Ufa, Kitap Publ., 1999, 464 p. (In Bashkir)
9. Valikhanov Ch. Collected works in 5 volumes. Vol. 1. Alma-Ata : Publishing House of the Kazakh SSR, 1961, 777 p. (In Russ.)
10. Mambetov K. Karakalpak literature of the past: Ways of forming Karakalpak literature. Nukus, Karakalpakstan Publ., 1976, 202 p. (In Karakalpakian)
11. Kazakh poetry of the XV–XVIII centuries. Almaty, Gylym Publ., 1982, 240 p. (In Kazakh)
12. Poets of Kazakhstan. Leningrad, Soviet Writer Publ., 1978, 608 p. (In Russ.)
13. The history of Bashkortostan from ancient times to the 60s of the XIX century. Ed. by H. F. Usmanov. Ufa, Kitap Publ., 1996, 520 p. (In Russ.)